

МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДИФИКАЦИЯ АССЕРТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

С.В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье на основе корпусных данных проводится сравнительный анализ маркирования ассертивных высказываний вводными оборотами металингвистического характера в японском языке. Автореферентны основному высказыванию обороты с одиночным речевым глаголом в условной форме, выполняющие функции маркеров приблизительной номинации. Экспликация искренности производится оборотами с сопровождением речевого глагола модификаторами со значением «честно», «искренне», «правда», что отражает следование говорящего постулату качества. Особенностью набора метаязыковых средств для японского языка является наличие оборотов с речевыми глаголами в пассивном залоге, где вербализуются элементы речевой ситуации, связанные с отношениями между собеседниками. Близость ментальных глаголов к речевым позволяет рассмотреть в числе метаязыковых средств и обороты с ними. В функциональном плане все из языковых средств, указывая на те или иные существенные составляющие ассертивного значения, служат повышению персуазивной силы высказывания. При этом в общей структуре подкласса и семантике отдельных единиц можно выделить как универсально значимые, так и лингво- или культурно специфические составляющие.

Ключевые слова: японский язык, лингвистическая прагматика, речевые акты, вводные обороты, ассертивность, персуазивность, корпусные данные.

1 Интенции говорящего (иллокутивные смыслы), в лингвистической прагматике традиционно отражаемые в виде таксономии речевых актов, эксплицируются в речи различными, нелинейными способами. Наиболее прямыми, «жёсткими» экспликаторами являются перформативные формулы, высокорелевантны грамматические, конструктивные, просодические факторы. Нельзя отрицать и значимость вспомогательных лексических средств индикации интенциональной стороны высказывания, на которую указывают такие авторитетные авторы, как В.В. Виноградов [3] и Д. Вандервекен [21]. Особо повышается их роль в ассертивных высказываниях, относительно «бесцветных» с точки зрения маркирования интенциональности прочими способами. Именно для ассертивов, од-

нако, этот тип выражений изучен пока далеко не полностью.

Принадлежащие к различным формальным классам (наречия, особенно сентенциального типа, частицы, вводные слова и обороты) и занимающие промежуточное положение между ними или же периферийное внутри них, упомянутые средства объединяются по функциональному признаку в единый класс – модальные слова, маркеры дискурса, дискурсивные слова. Сложилось такое положение и в японском языке, где, например, Х. Кудо [19] условно выделяет класс модальных (или предикативных, или модусных) наречий по признаку модификации предиката (в широком смысле). Таким образом, из адвербиального по существу класса единиц как бы исключаются частицы и вводные обороты. Отчасти эта позиция

оправдана морфологическими диспропорциями среди языков – иным функционалом частицы в японском, а также тем, что вводный оборот как таковой развит в нём не настолько, как, например, в романо-германских или арабском языках. В чистом виде, разрывая ткань предложения, он вызывает ощущение искусственного, «переводного» книжного стиля. Однако в этом смысле можно сказать, что функции вводных оборотов в современном японском языке «делегированы» оборотам предваряющим – *maeoki* («зачинаю»), помещаемым слева от основного предложения и соединяемым с ним слабопротивительной или виртуально-условной связью. Тогда встаёт вопрос о разграничении свойственных *maeoki* речевых функций хеджа, оговорки (снижающих ответственность за высказывание), организации дискурса и повышения убедительности высказывания. В наиболее подробной из известных нам классификаций (ср. также [15, 16, 17]) автор, следуя «столпу» японского языковедения Х. Киндаити (выделившему у *maeoki* функции когнитивной и эмоциональной подготовки собеседника [18]), использует для этого критерий соотношения оборота с интересующим или информационным планом общения [22]. «Зачины» первого типа могут быть достаточно чётко соотношены с типами тех высказываний, которые они вводят: выражения со значением «понимания позиции собеседника» предваряют отказ, «скромности» – предшествуют оценкам и пожеланиям, оговорки в отношении собственной компетенции делаются с целью смягчить оценки, обычно негативные, а извинения предваряют широкий круг выражений, включая директивы (о них см. в нашей работе [12]). Для второго типа выделяются метаязыковые выражения, преследующие цели управления дискурсом – «задающие тему» (фактически это расширенный топик) и «определяющие форму повествования» (кратко, подробно и т.п.) [22, с. 113]. Предложенная схема отчасти перекликается со списком модусных адвербиалов Х. Кудо, куда попадает и ряд прагматикализованных вводных (предваряющих) оборотов. Однако именно для асертивных высказываний задача восстановить полную картину остаётся.

Как известно, общая перлокутивная цель асертивов заключается в том, чтобы изменить когнитивный статус адресата – убедить его, заставить поверить утверждениям говорящего. Очевидно, что достичь её возможно с использованием различных тактик, по-разному учитывающих параметры коммуникативной ситуации. Но в любом

случае наличие такого персуазивного компонента в асертивной интенции предопределяет действенность тактик, либо а) эксплуатирующих аксиоматичные для обоих коммуникантов представления об истинности высказывания, либо б) эксплицитно указывающих на неё. К первому подтипу следует отнести обороты метаязыкового плана с глаголами речевого и вербального действия, где убеждению собеседника способствует сема фактивности [2]. По сути, в них сводятся к «чистому содержанию» многочисленные формулы, удостоверяющие когнитивную «предысторию» утверждения, включая показатели эпистемической вероятности, эвиденциальности и пр. Ко второму подтипу относятся различные интенсификаторы, выражения с семантикой или «истинности» и «ясности» как характеристики самой информации (мы описывали их в работах [10; 11]), или же «искренности» говорящего – как вербальной экспликации известного условия искренности [6, с. 165].

В упомянутой классификации Х. Кудо на эти два подтипа приходится три рубрики подкатегории «субмодальность». Первому типу соответствует рубрика «пришедшее на ум» – обороты с ментальными глаголами *omoeba*, *kangaete miru to*, *omoiokoseba*, а также рубрика «фигуральное выражение» – с глаголами речи *iwaba*, *iu nareba*, *itte mireba*. Часть единиц второго типа включает маркеры «признания» из соответствующей рубрики *jitsu wa*, *jitsu-o ieba*, *shoojiki (itte)*, которые либо в обязательном порядке требуют введения речевого глагола, либо допускают употребление с ним. Провести сравнительный разбор всех указанных единиц, привлекая для анализа ситуаций употребления данные открытого корпуса [20], и будет целью настоящей работы. При этом мы перегруппируем материал, стремясь к тому, чтобы соответствие между функциональностью единиц (предмет классификаций) максимально соответствовало их внутренней форме, то есть семантике используемых во вводных оборотах речевых и ментальных глаголов. Оба вида выражений в силу значения глаголов представляют собой метаязыковой (мета-мыслительный) комментарий к основному высказыванию.

2. Общей типологии вводных выражений метаязыкового характера в японском языке уже была посвящена наша работа [8]. Обороты, которые составляют предмет нашего внимания теперь, не выходят за рамки формул для таких выражений. Объединяет их и иллокутивный критерий: вводимые ими высказывания – чи-

стые ассертивы, не проявляющие (на уровне косвенного речевого акта) элементов побудительности (директивности) или комиссивности. Особенность большинства выражений, однако, в том, что речевой (или ментальный) глагол в них представляет собой не техническое средство введения, «подставку» для модификатора, на который приходится смысловой центр выражения (скажем, *gutaiteki-ni ieiba* = **говоря** конкретно), а сам составляет ядро оборота или весь оборот, причём, будучи таким образом семантически «оголённым», естественно, развивает определённые прагматические смыслы, характерные для данной формы в данном контексте, то есть прагматизируется. Заметим, что функционально близкие к формулам перформативов (о связи с ними см. [1]), вводные обороты отличны от них и формально – положением в предложении, и содержательно – не называя прямо речевой акт.

Так, например, происходит с выражением *itte mireba* (подстрочник – *если попробовать сказать*), которое, судя по данным корпуса, получает устойчивую дискурсную функцию интродукции дефиниции, обобщающей характеристики. Об этом говорит частота появления маркеров дефинитивной конструкции: *to iu no wa* (из 261 примеров 11 вхождений левее по тексту) и *to iu koto/mono* (15 и 6 справа) – высокий уровень с учётом факультативности маркирования в данном случае (дефиниция работает и в простом предложении с именным сказуемым):

全国を業務区域としてあまねく公平に送達サービスを提供させることが適当と考えられる。」、こういう文言があります。これは言ってみれば、クリームスキミングは駄目ですよということなんですね。// «Услуги по доставке должны предоставляться одинаково на всей территории страны» – вот такая формулировка. Это, **будем так говорить**, *означает*: пенки снимать с рынка нельзя (парламентская стенограмма 2002) [20].

Itte mireba можно считать модернизированной версией употребительных в застывшем виде анахронизмов *iwaba* и *iu nareba*. В процессе внутриязыкового «перевода» со старописьменного языка на современный произошло дополнение оборота вспомогательным глаголом *miru*, который кроме аспектуального инхоативного значения попытки (необязательно успешной) развивает ещё и когнитивное (коммуниканту интересны результаты события, что объясняет сочетаемость форманта и с неакциональными глаголами), а также прагматическую «нагрузку», связанную со

смягчением предполагаемого эффекта действия. «Попытке» в этом наборе соответствует то, что дефиниция выдвигается говорящим после некоторого колебания, перебора разных версий. Это отражается графически предшествием отточий, введением гезитативной частицы *taa*, вербализацией вариантов обобщения. Фиксация на познавательном результате проявляется в использовании служебного имени *wake* (образует объяснительную конструкцию типа рус. *речь идёт о том.../это значит, что...*), причём как среди предшествующего контекста слева (11), так и с правой стороны, а также с обеих сторон (3). В сочетании с отрицанием оно опять-таки даёт эффект перебора тезисов:

あるいはこれから復興しなければならない東欧などが復興事業を受注するというわけだ。言ってみれば、世界的なニューディール、ケインズ政策になるわけだ// *Можно это трактовать и так: возникает спрос на содействие восстановлению в Восточной Европе. Вообще, если можно так говорить, речь идёт о всемирной «новой сделке» на кейнсианских принципах...* (Н. Сима «Новый мир после холодной войны – глазами диктора» 1992), ср.: *失恋の記憶を持ち合わせているわけでもない、カネ持ちになった彼が若い恋人と恋愛しているわけでもない...*。言ってみれば平凡な恋愛観しか持ち合わせていないのが彼だった// *He to chotoby u nego был опыт разочарования, не то chotoby теперь, разбогатев, любил своих пассий... Вообще, знаете, у него просто были очень банальные представления о любви* (А. Кито «Кого любил Ютака Одзаки» 1995) [20].

Упомянутая семантика «попытки», озвучиваемая перед основным содержанием пропозиции, выполняет роль речевого хеджа, снижая ангажированность говорящего в связи с его неокончательным утверждением. Вместо безапелляционной сентенции мы видим процесс осмысления реальности и языкового «о-значивания» в динамике, что отражается и на использовании речевых формул рассуждения:

要するに、オペレーションというのは、言ってみれば、米軍のすべての行動がオペレーションの一環であるということにもなるわけでしょう。// В целом «операции» означают, что, **вообще говоря**, *получается*, все действия войск США являются частью оперативного плана (парламентская стенограмма 1999) [20].

Выражение *iwaba* (представляет собой более старую условную форму речевого глагола *iu* = *говорить*) получило в дискурсе несколько иную

функцию. Если *itte mireba* служит своего рода сигналом о факте попытки говорящего сформулировать свою идею (которая сама по себе не обязана получать особенно новаторское выражение), то *iwaba* отражает затруднения с подбором адекватного языкового выражения для его мысли.

В этой ситуации включается механизм семиотического творчества, в рамках которого следующий языковой знак используется *ad hoc* – либо создаётся заново, либо заимствуется по принципу переноса. Говоря в терминах Д. Блейкмор, оборот несёт процедурную информацию, содержащую запрос на предоставление более расширенной рамки релевантности для интерпретации сказанного [14], без чего, «с бухты-барухты» обработать последующий элемент кода может быть трудно:

今日は嫌いなことを必ず一つやりますから、神様、守護して下さい」というわけですね。言ってみれば、ギブ・アンド・テイクです。// *Получается – «боже, я сегодня сделаю что-нибудь плохое, а ты, пожалуйста, сохрани меня!» Так сказать, ты – мне, я – тебе!* (К. Нанасава «У каждого своя судьба» 2005, – расхожая формула – на своём месте), ср. 世界同時不況の中で悩む他の先進国と比べた場合には、いわばがまんの哲学ではございませんが、まだそれなりに対応可能なものではないか、こういう...// *В условиях параллельной рецессии в развитых странах мы должны развивать не то чтобы, так скажем, философию терпения, а думать, что нам с этим делать* (парламентская стенограмма 1983, выражение «придуманно»), ср. также: 日本¹のテレビドラマが台湾、香港などアジアで大変な人気を集める中で、韓国は いわば「空白地帯」だった。// *Хотя популярность японских телесериалов на Тайване и в Гонконге растёт, Корея пока была, так сказать, «терра инкогнита»* (газета «Тьюкоку-симбун» 6.02.2002, метафора) [20].

Обратный семиотический путь проделывает говорящий в высказывании с *iu nareba*. Здесь тоже имеет место характеристика, перифраз объясняющего свойства (из 81 примера, исключая переводы и модифицированные варианты, 5 вхождений с упомянутым *wake*). Но если с *iwaba* автор бросает попытки найти адекватное выражение своей мысли среди существующих знаковых средств и подбирает выражение *ad hoc*, то здесь, наоборот, он частично жертвует оригинальностью своей концептуализации и «срезает угол», выбирая уже известное определение, даже если оно не вполне подходит материалу. Отча-

сти это напоминает происходящее в ситуации употребления русского *грубо говоря* [5]. Элемент преодолеваемого здесь противоречия, «семиотического сопротивления», коррелирует с использованием в качестве «подставки» для условной формы детранзитивизирующего глагола *naru*, позже (если сопоставлять с грамматикой выражения), с развитием субстантивации оформившегося в конструкцию, исключаящую волю деятеля <V(inf) + *koto-ni naru*> – подстрочник «если стало так, чтобы говорить»:

もともと貴族への見世物だった(見た目のきれいさにこだわる、いくなればセックスアピール) フィギア世界に、伊藤みどりというとんでもない日本の少女が現れた// *Так в мире фигурного катания, ублажавшего глаз аристократов (с его погоней за внешностью, если можно так сказать – сексапильностью) появилась никому не известная японка Мидори Ито* (блог сайта «Яху» 2008) [20].

В отличие от *itte mireba*, где говорящий, размышляя, пользуется «своим» языком, здесь в речь осознанно вклеивается готовая, узнаваемая «деталь» из «чужого» дискурса (что графически отражается кавычками), привносится элемент полифонии по М. Бахтину: 今までの「ゲキヤスクラぶ」は3500円とか5500円とか、いくなれば「安かろう悪かろうツアー」ばかりだったのだ。// *До сих пор «сверхдешёвыми» были туры где-то по 3500-5500 иен – что называется «дешёво и сердито».* (Х. Суэфудзи «Сверхдешёвые туры глазами гида» 1997) [20].

В целом вводные выражения с языковым глаголом в действительном залоге вписываются в универсальную тенденцию к использованию метаязыковых маркеров приблизительности номинации, компенсирующих возникающую ситуацию «номинативного голода» в постоянном процессе наложения сложившейся языковой системы на непредсказуемую реальность. Маркирование таких средств связано с нарушением грайсова постулата способа речи, предписывающего ясность и точность коммуникации [4, С. 52].

Несколько особняком среди выражений с речевым глаголом стоит оборот *soo ieba* (подстрочник – «если так/об этом говорить», см. англ. *talking of which*). Внешне являя собой привязку к существующему контексту, он эксплуатирует это свойство не только при развитии или сдвиге темы, но и при выдвижении совершенно новой, создавая при этом иллюзию связности дискурса, ср. рус. *кстати*, а также инициальное *a* в *A вы не знаете...? А что ты скажешь, если...?*

С точки зрения позиции в тексте *soo ieba* отличается фиксированное инициальное положение (не считая случаев ненормативной орфографии в 265 примерах из 1949 ему предшествует кавычка, открывающая прямую речь, в 672 – точка, в 27 примерах – многоточие, в 170 – запятая, 40 и 33 употреблений после вопросительного и восклицательного знака, в восьми случаях так начинается запись в блоге, всего в трёх случаях мы видим смещение правее маркера топики *wa*). Так оформляется высказывание после риторического (но не «наводящего»!) вопроса, в режиме припоминания. 40 вхождений с междометием *a'*), которое сигнализирует невольную реакцию на внешний стимул, также следует признать характерной чертой «пришедшего на ум», по Х. Кудо.

В самом таком «перескоке», конечно, ощущается немалая лёгкость, даже безответственность, что, по-видимому, исключает использование *soo ieba* в таком «тяжёлом» жанре, как парламентская дискуссия (всего 2 примера). С другой стороны, благодаря этой черте оборот становится мощным средством ненавязчиво представить собственное мнение, используемым гораздо чаще «искренних» модификаторов. Именно «ненавязчивость» становится фактором использования его в качестве хеджа в вопросах и директивах, «случайностью» поворота темы вуалируя нацеленность говорящего на результат:

すると角川さんが、俺にこういった。「そういえば、君は歌を歌ってるんだよね。じゃあ主題歌もやってみない?」それで俺の合格が決まってしまった// А Какугава говорит: «Кстати, ты же у нас поёшь, верно? Так, может, ты и споёшь эту тему?» Так меня взяли на главную партию. (Дж. Яманака «Вечный крик» 2001)

В страдательном залоге выступает речевой глагол в *iwarete mireba* (159 вхождений, против 29 – варианта с другим типом условности *iwarete miru to*). Присутствие вспомогательного глагола «попытки» из отмеченных выше черт проявляет в первую очередь когнитивный эффект: говорящий описывает своё видение привнесённого извне (высказанного субъектом говорения) тезиса. Едва ли странно, что большинство из высказываний, открываемых этим выражением, подпадают под речеактовую рубрику согласия. Частотны формулы согласия, включая 4 вхождения с *tashika-ni* = *точно левее* и 15 правее, 7 *sono toori* = *так и есть*, 3 *paruhodo* = *понятное дело*, 2 *mottomo* = *правда*, 2 *nattoku da* = *убедили*. Однако здесь не всё так просто. В значительной части случаев дальше, правее конвенциональной фор-

мулы, согласие выражается не полное, а лишь «в первом приближении», довольно сдержанное. Оно либо отрицается далее по ходу реплики (вводится противительный союз), либо ослабляется оговорками и хеджами, каких, чрезвычайно разнообразных, мы находим целый фейерверк – 12 *soo kamoshirenai* = *может быть, и так*, 6 *soo da na/ne* = *ну да/да уж*, *soo na no ka na* = *да как уж там*, *soo mienai koto mo nai/soo mienaku to nai* = *не то чтобы [дело] не виделось таким образом*, *sonna ki mo shinai de to nai no desu ga* = *не то чтобы не было и такого ощущения тоже, хотя...*

それだけホテル側も霊の存在を認めているってことよ」確かに言われてみればわかる気もする。ホテル側だって夕夕で泊める添乗員にいい部屋を当てるワケがないのだ// «Значит, и в отеле признают существование привидения!» Действительно, что тут скажешь? Их тоже, наверное, можно понять [кажется и так, что мне понятно]. Конечно, зачем им давать гиду хорошую комнату? (Х. Суэфудзи «Сверхдешёвые туры глазами гида» 1997), см. также текст ремарок: 山本は押し黙り、考えた。言われてみれば確かにそのようにも取れる、と一応、頭のなかでは理解した。だが、これまでの // Ямамото вдруг замолчал задумался. Головой он в принципе понимал: если так посудить, и правда можно так истолковать. Но по опыту... (Н. Харада «Властитель флота» 2003); ср.: 当然に保証人が必要です」向井は、極めつけるような口振りになった。「そう言われてみれば、そうかもしれませんね」小野は、まだ、よく呑み込めないでいた // «Естественно, нам будет нужен гарант» – сказал Мукаи безапелляционным тоном. «Ну, коль так – может, и правда, верно ведь?» – Он пока явно не был убеждён. (С. Ваку «Кудесник судебной защиты» 1986), ср. также: ... ことが妙に増えたような気がする」狩猟に出かけることの多い男が口を挟んだ。「言われてみれば、そうじゃ」男達の間にざわめきが広がった。「三郎、何を言いたいのです!」 // Кажется, это стало происходить как-то чаще, – заметил один из опытных охотников. Среди мужчин стали раздаваться голоса: вообще, мол, поди, оно и правда, если так посмотреть... «Так, Сабуро, а ты что вообще хочешь сказать?» (Ф. Ниситани «Святая ведьма» 1990) [20].

Отсутствие случаев прямого несогласия с «входящим» тезисом, которые вводились бы данным выражением, связано с наличием другого оборота, где условность заменена уступительностью – *soo iwarete mo* (103) = *досл. даже если мне так говорят*. Он уже не зеркален: для

устойчивости добавляется анафор, отсутствует вспомогательный глагол со значением «попытки» (таким образом, вклад собеседника не становится объектом хотя бы даже ритуального заинтересованного рассмотрения и не «ценится»). Примечательно, что конвенционально закреплён не противительный вариант, а именно этот, где семантика уступительности, не предполагающая прямого отрицания пропозиции в протазисе, позволяет выразить определённую резистентность мнения субъекта, продолжающего существовать параллельно с услышанным от другого коммуниканта.

3. Усилителем метаязыковых оборотов служит вербализация интенции говорящего высказываться честно и прямо. На их прагматической нюансировке прямо сказывается семантика самих модификаторов, но в целом потребность обозначить её всегда возникает в силу существования помех, соображений, которые препятствуют прямому высказыванию. В первую очередь, препятствующие соображения связаны с необходимостью сохранения лица собеседника, ограничения нагрузки на него, возникающей в результате речевого взаимодействия. В основном негативные оценки высказываются *sotchoku* = *откровенно*. оборот довольно экзотичен: всего 10 вхождений модели *sotchoku-na tokoro*, а из 20 *sotchoku itte* 7 встречаются в переводных текстах. Наивность, непосредственность, которые передаёт *shoojiki* = *честно*, допускающее подчинённое положение коммуниканта, согласуются с оценками, сообщениями о психологическом состоянии говорящего: из 153 примеров с *sotchoku itte* 5 – с *odoroita* = *удивился*, см. также *tsurai* = *тяжело*, *jishin nai* = *неуверен*, *mitooshi warui* = *бесперспективно*. Это типичный речевой акт Признание, затруднённый нежеланием скомпрометировать себя и нанести ущерб социальному «лицу» собеседника. Подобные «реверансы» намеренно отбрасываются в *hakkiri itte* = *прямо говоря*, когда суждение довольно редко сопровождается средствами снижения категоричности высказывания, например, *to otou* (59 из 514 вхождений) или наводящий вопрос. В этом случае, как и в следующем, коммуникант сигнализирует о намерении не поступиться максимумом искренности. Для *hontoo-no koto-o iu to* = *по правде говоря* содержание признания на порядок более серьёзное и включает фактические сведения, способные поменять действия собеседников. Тем самым высказывание подготавливает директив или коммисив:

神経叢に癌がくっついているため、手術には大きな危険が伴うのだそうだ。それに、**本当のことを言うと**、肝臓にも転移している // *Рак обнаружен в синапсах, и оперировать рискованно. К тому же, по правде говоря, метастазы уже достигли печени* (Х.Сано «Борьба с раком – 18 мужественных людей» 1999), ср. 「じゃあ言いますけれど、他には秘密ですよ」「約束する」「**本当のことを言うと**、物凄く忙しいんです」「...時期だからな」「それもありますけど...// *Я скажу, но это секрет!* – *Хорошо, обещаю.* – *По правде говоря, я ужасно занят...* – *Ну, такой период, да.* – *Это тоже, но вообще...* (Ц. Авасака «Журавлики» 1988) [20].

В типологическом плане интерес представляет степень факультативности вербализации в подобных выражениях аргумента авторской оценки в виде речевого глагола, автореферентного осуществляемому высказыванию. В японском, как и в английском и в русском, появление речевого глагола регламентировано по-разному для различных глаголов и для различных типов речевых ситуаций. Так, английское сентенциальное наречие *frankly* способно и к одиночному внедрению, и к соположению с речевым глаголом без особого изменения смысла высказывания (*frankly speaking*, ср. рус. *честно говоря*), но *honestly* в экспрессивном высказывании, особенно с раздражением, не может сопровождаться речевым глаголом, как и русское *честно* в речевом акте попытки оправдания. Японские экспликативы искренности высказывания такого «удвоения» значений за счёт развития функции прагматического маркера определённого типа высказывания не знают: *shoojiki* и *sotchoku* факультативно допускают речеактовый глагол, с некоторыми модификациями это же видим и с *honto-no koto* (*hontoo wa*), тогда как с одиночным *hakkiri* сентенциальная модификация невозможна.

4. Сходство с рус. *если так посмотреть*, англ. *come to think of it* обнаруживает вводный оборот с ментальным глаголом *kangaete mireba*. Мы выделяем в корпусе 538 вхождений, отбрасывая варианты с разнообразной модификацией слева, напр. *reisei-ni natte kangaete mireba* = *если подумать спокойно* и, напротив, включая (де)интенсифицирующую модификацию – *chotto* = *немножко* (4), *yoku* = *хорошо* (20), *yokuyoku* = *хорошенько* (17). Во всех случаях говорящий представляет своё высказывание как результат некоторых размышлений, стремясь придать ему дополнительный вес. Любопытно, что в речи парламентариев в «голом» виде (без указания,

каким конкретно образом, в каком направлении размышляли) оборот неупотребителен: это та среда, где по умолчанию подразумевается вдумчивое и ответственное использование языка.

Место оборота в речи, как видно из анализа контекста, подсказывает сама структура монолога: он встречается после паузы, риторического вопроса, противопоставления (87 вхождений с союзами *demo, shikashi, kedo, ga, 5 to iu no to = тоже (мне)*). При этом получается, что за счёт «глубокомысленного» введения само содержание высказывания в какой-то мере освобождается от необходимости быть чем-то экстраординарно глубоким. В описанном выше несколько стеснённом речевом контексте (слева – противоречие, пауза), когда от субъекта требуется «на ходу» сформулировать оценку, часто он ограничивается либо чем-то вроде «я тоже так считаю», либо «гм, непонятно», см. в контексте справа 9 *atarimae = само собой*, по 8 *toozen(-no koto) = естественно и fushigi = странно*. Ещё чаще говорящий представляет «сырые» результаты своей мысли, то, в чём сам до конца не уверен и не воспринимает как истину в последней инстанции. Индикаторами этого служат показатели предположительности *kamoshirenai = может быть* (15), *hazu = (по идее) должен* (7), эвиденциальное *pandaka = что-то, как-то* и др. И такая тактика оказывается вполне оправданной: как будто заставляя говорящего в фазе активного размышления, высказывание получает особую персуазивность с точки зрения доказательств его искренности, а в когнитивном плане осмысливается как призыв к сотрудничеству в совместном поиске истины. В поверхностной структуре эта тактика обнаруживается в оформлении основной фразы убеждающими риторическими фигурами типа *de wa nai ka*:

不死人になって永遠に生きるというのも、**考えてみれば**かなりグロテスクなことではないか。死があるからこそ、おれが求めてやまない灼けつくような危険の感覚を生きることができる。// **Жить вечно? Если так подумать** – не гротескно ли это? Именно благодаря смерти можно почувствовать обжигающее чувство опасности, которое так нужно мне (Ё. Сасакава «Война вампиров» 2004) [20].

Говорящий, конечно, вполне отдаёт себе отчёт в ограниченных потенциях подобного «рассуждения на ходу». Поэтому в речеактовой цепочке сентенции остаются на положении промежуточных выводов перед дальнейшим развитием рассуждения или даже оговорки, какие в русском

языке вводят союзы *правда, хотя*. Впрочем, даже «проходящая» оценка за счёт ссылки на размышления звучит солиднее и придаёт больший вес всей линии аргументации. Интрига же, создаваемая здесь «меандром» мысли, подкрепляет её риторически:

他の文明の影響を受けながら日本であり続ける。しかし、**考えてみれば**当たり前のことなのだが、各国はそれぞれ独自の文化なり、歴史を有しており、日本が日本的なものを維持し続けているのと同じように、フランスもドイツもフランス的あるいは... // *Несмотря на влияние других цивилизаций, Япония сохраняет самоидентичность. Но – хотя это, если вдуматься, само собой разумеющийся факт – у всех стран своя история, культура, и, как Япония остаётся собой, так же и Франция, и Германия сохраняют что-то своё...* (Э. Сакакибара «Прощай, прогресс, или Чем плоха теория японской особенности» 1996) [20].

Принципиально иное содержание высказывания, вводимого оборотом *omoiokoseba*, объясняется разной семантикой основных глаголов: если *kangaeru* предполагает размышление, то *omoi* значит просто «подумалось» о буквально любом, пришедшем на ум (о других «осознанно субъективных» сентенциях с компонентами сходной семантики см. нашу работу [13]). Во всех 17 примерах в корпусе так вводятся высказывания – пересказ припоминаемых событий. Тем не менее риторическая ценность их заключается примерно в том же, что и с *kangaete mireba*: глаголом, описывающим, как он «роется в голове», «воссоздаёт в уме», говорящий ручается за истинность предъявляемых сведений. Данный приём используется также в процессе рассуждений, а не в попытке «продать» готовый тезис:

今は大丈夫、、、と言われても**思い起こせば**今日は元気がなかった・・・何だかいつもより気が入っていないなあ、、、くらいにしか思えない... // *Сейчас уже лучше... Хотя всё же, если всё припомнить, сегодня опять состояние вялое... Как-то вот просто нет сил, иначе и не скажешь* (блог сайта «Яху» 2008) [20].

5. Проведённый обзор позволяет утверждать, что использование металингвистических средств связано с применением различных речевых тактик, все из которых так или иначе связаны с повышением персуазивности высказывания. Используя их, говорящий апеллирует к транспарентности собственных ментальных действий, ангажирует собеседника на кооперативное поведение в совместном поиске истины,

в то же время снижая категоричность высказывания признанием того, что высказываемые оценки не являются окончательными. Сочетание этих компонентов даёт богатую палитру вариантов осмысления метаязыковой ссылки. Как и в других группах квазисинонимов, мы убедились также, что этимологически родственные выразительные средства с близкой семантикой развивают различные прагматические возможности, выражаемые в ощущении тяготения к употреблению в определённых типах утвердительных высказываний, если обратиться к терминологии, введённой нами ранее [9], – оценок, суждений, характеристик, сообщений о мире говорящего и репортажей о внешних событиях, а также промежуточных выводов. Естественно, что высказывания о метаязыковом коде будут особенно тесно связаны с таким типом высказываний, как дефиниции и квалификации.

Тогда как выражения типа рус. *так сказать*, англ. *so to say* достаточно распространены в языках различной географии и строя (и нередко в примерах из переводных текстах даже видно, «откуда растут ноги»). Специфичным для японского языка, по всей видимости, является маркирование метаязыковыми ссылками реактивных речевых актов типа согласия и несогласия, эксплицитно признающее внимание к «вкладу» привходящей информации. При этом и содержательную сторону «если вы так говорите» в японском отличает гораздо если и не большой энтузиазм, то во всяком случае меньшая осторожность в принятии слов собеседника как руководства к формированию суждения, в чём, конечно, отражается культурспецифичная склонность носителей данного языка к гармонизации общения. Впрочем, так ли уж пассивен коммуникант-японец, будто бы готовый для цели гармоничного общения «подыгрывать» партнёру в безразличии к поиску истины в столкновении мнений? Выявленные нами различия в оформлении «честного признания» и «вынужденного» показывают, что, не противясь открыто социальному давлению, японский коммуникант всё же остаётся верен самому себе и проводит разграничение между тем, что «полагается», и тем, что на самом деле происходит у него в голове.

Данный тезис, затрагивающий тему изоляции, автономии субъекта, его «распараллеленности», затрагивает ещё несколько моментов. Первый ка-

сается преобладания в оформлении металингвистических маркеров показателя наиболее отвлечённой «теоретической» условности (из общего набора четырёх возможных). Это действует как сильный хедж, придавая всему высказыванию формальные признаки гипотетического предположения (ср. расхожий ответ на утверждение в русской речевой практике: *можно и так сказать*, «хамскость» которого – в занижении степени категоричности утверждения собеседника).

Далее, из сравнения поведения вербальных и ментальных глаголов явствует, что японец в каком-то смысле с большей смелостью говорит, чем думает. В речевой деятельности допускается и даже поощряется свобода творчества, в мыслительной – поддерживается дисциплина «без сурпризов».

Наконец, вербализуясь в металингвистическом маркировании ассертивов, интересным образом преломляется представление об искренности, положительный образ которой оказывается увязанным не с точным отражением реальности, а с таким покорным «чистосердечным признанием», душевным «разоружением». Другой полюс составляет «прямое» высказывание, в котором японец позволяет себе начисто отбросить себе всякие «политесы» (половина вхождений приходится на довольно ограниченный – лишь за два года – массив примеров из блогосферы). Всё это идёт вразрез с традиционным для русской речевой культуры «весом» и положительным образом искренности.

В целом проведённое исследование, на наш взгляд, показало важность выделения конкретных компонентов прагматического смысла, приносимых в высказывание различными модификаторами, с точки зрения уточнения и развития таксономии их типов. Данные говорят и о возможности выделения дальнейших релевантных категорий на основании различных параметров коммуникативной ситуации помимо предлагаемых в литературе – например, интенсивности иллокутивной силы, ассоциируемой с персуазивностью [7]. Безусловно, перспективным в этом плане представляется изучение сходных выражений из числа околуперформативного «облака», включая авторемарки, в частности, с ментальными глаголами, в аспекте вклада, который они вносят в экспликацию интенциональной стороны высказывания на японском языке.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984, с. 83-93.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. вып. 8. Лингвистика текста. Сост. Т. Николаева. М., 1978, с. 402-421.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. с. 53-87.
4. Пигрова Е.К. Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи. Дисс. канд. филол. н. СПб. 2001. 168 с.
5. Розина Р.И. Так называемый: семантика вводных метаязыковых оборотов 2009. [Электронный ресурс] URL= <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/66.htm> (дата доступа 27.10.2017)
6. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. - М., 1986. - С. 151-169.
7. Сулейманова Ю. М. Способы экспликации персуазивного компонента в ассертивных речевых актах // Вестник ОГУ. 2009. №11 С.113-118.
8. Чиронов С.В. Вводные обороты оценки в японском языке / С.В.Чиронов // Достижения вузовской науки. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции г. Новосибирск, 2 февраля, 19 февраля 2016 г. (под об. ред. С.С. Чернова). - С. 212-225.
9. Чиронов С.В. Иллокутивность и субъективная модальность в монологической речи (микроисследование) / С.В.Чиронов // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 14. - Москва: Издательство «Ключ-С», 2016. - С. 219-231.
10. Чиронов С.В. Модальные слова категорической достоверности в японском языке (апостериорная оценка) / С.В.Чиронов // Новый взгляд. Международный научный вестник. - 2016. - №11. - С.153-168.
11. Чиронов С.В. Прагмасемантика характеристики когнитивного статуса говорящего (на материале японского языка) / С.В.Чиронов// Альманах мировой науки. - 2015. - № 3(2)-3. - С. 6-13.
12. Чиронов С.В. Прагматика извинений в директивах в японском деловом общении (как проблема преподавания и перевода) / С.В. Чиронов // Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания, перевода и межкультурной коммуникации. Материалы международной научно-прикладной конференции 17 ноября 2014 г. Астрахань: АГУ, 2014, 290 С.
13. Чиронов С.В. «Субъективно говоря»: адвербиалы-маркеры «частного мнения» в японском языке / С.В.Чиронов // Дискурс, текст, слово в свете современных исследований филологических наук. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. - Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. - С. 45-56
14. Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers. Cambridge: CUP 2002.
15. 梅岡巴香「日本語表現の特徴をさぐる」昭和女子大学大学院日本文学紀要 15, (Умэока М. Об особенностях выражений японского языка. Записки женского университета Сёва) 2004, pp. A9-A19
16. 大塚容子「テレビ討論における前置き表現 — 「ポライトネス」の観点から」『岐阜聖徳学園大学紀要・教育学部・外国学部』通号37 (Ооцука Ё. Зачины в теледебатах – с точки зрения вежливости. Учёные записки университета Гифу Сётоку гакуэн. Педаг. ф-т. № 37) 1999 С. 117-131 [Электронный ресурс] URL= <http://ci.nii.ac.jp/els/contents110000034602.pdf?id=ART0000362758> (дата доступа 28.10.2017)
17. 小沼喜好. “日本語の前置きの働きと分類について.” 外国語教育論集 (Онума Ё. О функциях и классификации зачинов в японском языке. Сборник статей о преподавании иностранных языков) Вып. 29 2007. С. 127-137.
18. 金田一春彦『話し言葉の技術』講談社(Киндайти Х. Техника устной речи. Токио, Коданся) 1977. 323 с.
19. 工藤浩「叙法副詞の意味と機能—その記述方法をもとめて—」『研究報告集』vol.3.国立国語研究所(КудоХ.Значение и функции модальных наречий японского языка – к построению описания. Собрание докладов, т. 3. Государственный институт родного языка)1982 [Электронный ресурс] URL= http://www.ab.cyberhome.ne.jp/~kudohiro/modal_types.html (дата доступа 2.2.2016)
20. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) [Электронный ресурс] URL= http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата доступа 27.10.2017)
21. ダニエル・ヴァンダーヴェーケン著、久保進監訳「意味と発話行為」[Текст] ひつじ書房、東京、333 頁 (Vanderveken D. Meaning and Speech Acts, V 1. Principles of Language Use. Cambridge, CUP 1990). 1997. 333 с.
22. 陳臻渝. “日本語会話における前置き表現.” 言語文化科学研究. 言語情報編 2 (Чэн Тайюй. Зачины в японском диалоге. Лингвокультурологические исследования. Отдел языковой информации) 2007. Вып. 2. С. 99-115. [Электронный ресурс] URL= http://ci.nii.ac.jp/els/contentscinii_20171115205014.pdf?id=ART0009088908 (дата доступа 28.10.2017)

Сведения об авторе:

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО. Сфера научных интересов – лингвистическая прагматика, теория дискурса, когнитивная лингвистика, проблемы лексической семантики.

Email: s.chironov@inno.mgimo.ru.

METALINGUISTIC MODIFICATION OF ASSERTIVE SPEECH ACTS IN JAPANESE

S.V. Chironov

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *This paper uses corpus data to analyze and compare the metalinguistic markers of assertive speech acts in Japanese. Bare speech act verbs in such markers produce a self-referent comment to the main utterance, which functionally is close to approximate nomination. Modifiers of the type of “honestly”, “frankly”, “truth” provide for an explication of the sincerity condition, thus verbalizing the maxim of quality. A feature particular to Japanese is the use of speech act verbs in passive voice in meta-comment. This allows one to verbalize the elements of the speech situation pertaining to the interpersonal relations of communicants. We also consider mental verbs as typically close to the speech verbs in their function in meta-comment. From the functional point of view, all of the expressions act as intensifiers of the illocutionary force of the utterance, stressing one or the other of the constituent features of the speech act and therefore elevating its persuasive potential. We are also able to note linguo- and culture-specific features in the composition of the class of metalinguistic markers and their semantics.*

Key Words: *Japanese language, pragmatic meaning, speech acts, parenthetical expressions, assertion, persuasion, corpus data.*

References

1. Wierzbicka A. *Metatekst v tekste* (Metatext in text) // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (New findings in foreign linguistics. Vol. 8. Text linguistics. Ed. T. Nikolaeva) M., 1978, p. 402-421.
2. Baranov A.N., Kobozeva I.M. *Vvodnye slova v semanticheskoy strukture predlozhenija* (Parentheticals in semantics structure of the sentence) // *Sistemnyj analiz znachimyh edinic russkogo yazyka. Sintaksicheskie struktury*. (System analysis of significant words of Russian. Syntactic structures) Krasnoyarsk, 1984, p. 83-93.
3. Vinogradov V.V. *O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom yazyke* (On the category of modality and modal words in Russian) // Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike* (Selected works. Studies on Russian grammar), Nauka, 1975. p. 53-87.
4. Pigrova E.K. *Metakommunikativnye markery v ustnoj spontannoj rechi* (Meta-communicative markers in spontaneous spoken speech) PhD thesis. St Petersburg 2001. 168 p.
5. Rozina R.I. *Tak nazyvamyj: semantika vvodnyh metazykovykh oborotov* (SO-CALLED – semantics of metalinguistic parentheticals) 2009. [Online resource] URL= <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/66.htm> (accessed on 27.10.2017)
6. Searle J.R. *Chto takoe rechevoj akt* (What is a speech act) // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (New findings in foreign linguistics) vol. 17. Moscow 1986. pp. 151-169.
7. Sulejmanova Yu. M. *Sposoby eksplikacij persuzivnogo komponenta v assertivnyh rechevyh aktah* (Means of explication of the persuasive component in assertive speech acts) // *Vestnik OGU* (Orenburg state university papers). 2009. No.11 pp.113-118.
8. Chironov S.V. *Vvodnye oboroty ocenki v yaponskom yazyke* (Parentheticals of evaluation in Japanese) // *Dostizheniya vuzovskoj nauki. Sbornik materialov XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii g. Novosibirsk (pod ob. red. S.S. CHernova)* (Achievements in university science. Conference papers, Novosibirsk, ed. By S.S. Chernov). 2016. pp. 212-225.
9. Chironov S.V. *Illokutivnost' i sub'ektivnaya modal'nost' v monologicheskoy rechi (mikroissledovanie)* (Illocution and subjective modality in monologue – micro-study) / *Yaponskij yazyk v vuze: aktual'nye problemy prepodavaniya* (Japanese in university education – actual issues of teaching). Vol.14. Klyuch-S, 2016. pp. 219-231.
10. Chironov S.V. *Modal'nye slova kategoricheskoy dostovernosti v yaponskom yazyke (aposteriornaya ocenka)* (Modal words meaning certainty) / *Novyj vzglyad. Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik* (The New view. International scientific bulletin) 2016. Vol. 11. pp. 153-168.
11. Chironov S.V. *Pragmasemantika harakteristik kognitivnogo statusa govoryashchego (na materiale yaponskogo yazyka)* (Pragmasemantics of the speaker's cognitive status evaluation – the Japanese data) / *Al'manah mirovoj nauki* (World science almanac). 2015. Vol 3(2)-3. pp. 6-13.
12. Chironov S.V. *Pragmatika izvinenij v direktivah v yaponskom delovom obshchenii (kak problema prepodavaniya i perevoda)* (Pragmatics of apology in directives in business Japanese as an issue of teaching and translation) / *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty lingvistiki, literaturovedeniya, metodiki prepodavaniya, perevoda i mezhkul'turnoj kommunikacii. Materialy mezhdun-*

- arodnoj nauchno-prikladnoj konferencii 17 noyabrya 2014 g. Astrahan': AGU (Theoretic and practical aspects of linguistics, philology, education, translation and intercultural communication. Conference papers, Astrakhan state university, 17 November 2014), 2014, 290 s.*
13. Chironov S.V. «Sub’ektivno govorya»: *adverbially-markery «chastnogo mneniya» v yaponskom yazyke (SUBJECTIVELY SPEAKING – adverbial markers of personal opinion in Japanese) / Diskurs, tekst, slovo v svete sovremennyh issledovaniy filologicheskikh nauk. Sbornik nauchnyh trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Nauchno-izdatel’skij centr «Otkrytoe znanie» (Discourse, text, word in the light of modern linguistic studies. Collected papers, Scientific and editorial centre Open Knowledge) 2017. p. 45-56.*
  14. Blakemore D. *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers.* Cambridge: CUP 2002.
  15. 梅岡巳香「日本語表現の特徴をさぐる」昭和女子大学大学院日本文学紀要 15, (Maka Umeoka. On peculiarity of Japanese expressions. Sowa women’s university papers) 2004, pp. A9-A19.
  16. 大塚容子「テレビ討論における前置き表現 – 「ポライトネス」の観点から」『岐阜聖徳学園大学紀要・教育学部・外国学部』通号37 (Yoko Ootsuka Maeoki expressions in television debats – from the point of view of politeness. Papers of Gifu Shotoku gakuen university. Education faculty Vol. 37) 1999 pp. 117-131. [Online resource] URL= <http://ci.nii.ac.jp/els/contents110000034602.pdf?id=ART0000362758> (accessed on 28.10.2017)
  17. 小沼喜好.“日本語の前置きの働きと分類について” 外国語教育論集 (Yoshiko Onuma. On the functions and classification of Japanese maeoki expressions. Collected works on teaching foreign languages) Vol. 29 2007. pp. 127-137.
  18. 金田一春彦『話し言葉の技術』講談社(Haruhiko Kindaichi. Technics of spoken speech. Kodansha) 1977. 323 p.
  19. 工藤 浩「叙法副詞の意味と機能—その記述方法をもとめて—」『研究報告集』vol.3.国立国語研究所(HiroshiKudo. Meaning and functions of the Japanese predicate adverbs – towards a descriptive model. Collected reports, vol. 3. State institute of Japanese language) 1982 [Online resource] URL= http://www.ab.cyberhome.ne.jp/~kudohiro/modal_types.html (accessed on 2.2.2016)
  20. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Weighted corpus of the written sources of modern Japanese) [Online resource] URL= http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (accessed on 27.10.2017)
  21. ダニエル・ヴァンダーヴェーケン著、久保進監訳「意味と発話行為」[Текст] ひつじ書房、東京、333 頁 (Vanderveken D. Meaning and Speech Acts, V 1. Principles of Language Use. Cambridge, CUP 1990). 1997. 333 s.
  22. 陳臻渝.“日本語会話における前置き表現.” 言語文化学研究. 言語情報編 2 (Chen Taiyu. Maeoki expressions in Japanese. Language and culture studies, linguistics division) 2007. Vol. 2. C. 99-115. [Online resource] URL= http://ci.nii.ac.jp/els/contentscinii_20171115205014.pdf?id=ART0009088908 (accessed on 28.10.2017)

About the author:

Sergey Vladimirovich Chironov – PhD in Linguistics, Assistant Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics, MGIMO. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

* * *